

В. БЛОХ

Книга и человек

Посвящается А. С.

Я только голосом лебединым.
Говорю с неправедной луной.

Ахматова. Anno Domini MCMXXI

Все собирают книги. Чтобы ни вышло: стихи и прозу, художественное издание и научное исследование, — все несут домой и всему находят место: в шкафах и на полках. Собирательство книг стало всеобщим; оно захватило юношей и пожилых людей. Что это значит? Почему книга, еще недавно служившая приманкой для немногих, — стала кумиром, которому поклоняются все? Мы — не только ревностные собиратели, но и прекрасные охранители книг. Обращаемся с ними бережно до педантизма, аккуратно до нелепости, со страхом разрезая страницы, с трепетом прикасаясь к полям. Загромождаем входы и выходы наших жилищ шкафами и полками. Строим баррикады из книг. При этом — каждая книга имеет свое место. Собирая и охраняя, вместе с тем классифицируем; ведем учет накопленным сокровищам. У нас на душе лежит тягчайший грех пред человечеством: мы превратили книгу в предмет коллекционирования. Книга — это воплотившаяся в слово человеческая мысль. И не найти для нее места менее достойного, нежели на полках современной библиотеки, занумерованной и заклассифицированной, не разрезанной и опрятной. Ну, словно такой, как будто мы ее и не читали. Современный книгособиратель враждебен писателю. Последнему важно только одно: чтобы его читали. Его нисколько не интересует судьба того или иного экземпляра книги. Пусть будут растерзаны при чтении страницы, загрязнены поля, — была бы книга прочтена! Чем

больше собирают книги, чем лучше их охраняют, чем точнее классифицируют, тем реже их прочитывают. Мы не одолживаем книг, не оставляем их раскрытыми на столах, чтобы привлечь случайный взор редким словом, драгоценной мыслью... Мы скупо владеем книгами и налепляем на них *ex libris*. Небывалый расцвет книжных знаков падает на наше время. За короткий срок, при общем бездействии печатного станка, вышло 4—5 изданий, посвященных *ex libris*'ам. Прежде — они были у немногих. У тех, кто были создателями замечательных книжных собраний. Теперь они у всех. Всякий, покупающий книги, имеет свой книжный знак. Этим — он лишь окончательно выдает свое отношение к книге. Это моя книга, и это тоже моя книга, и это все мои книги; об этом кричит какой-нибудь уродливый *ex libris* с рисунком стиля *moderne*, — вот голос современного книгособирателя. Он болеет тщеславием. Его по-человечески жаль. Тщетно он надеется, что с его именем соединится память об услуге человечеству.

Можно очень много и очень хорошо говорить в защиту книжных знаков, их эстетики и смысла. Да, книжный знак имеет и свою историю, и свое оправдание. Но мы спрашиваем, что кроме чувства досады можно испытывать при виде томика Блока с *ex libris*'ом какого-нибудь NN, замечательного лишь тем, что у него было много денег и поэтому много книг.

Есть два вида *ex libris*'ов, особенно характерных для современности. В одном из них мы находим портрет его обладателя. В этом случае книжный знак становится фотографической карточкой, налепляемой на переплет каждой книги. Еще любопытнее другой: он изображает книгу и лежащий на ней ключ. Символическое изображение современного книгособирательства. Некогда книга была другом человека, его спутником. Она будила мысли и чувства.

У старой книги есть запах. Тот своеобразный запах, за который мы ее любим. Пометки на полях, карандашные зарисовки, вкладные листы — свидетельствуют о долгих часах, проведенных в общении с книгой. Наша книга — предстанет перед потомством холодной и бездушной.

Ее неразрезанные страницы и безусловно чистые поля будут говорить о том, что мы не читали книг, не прислушивались к голосу писателя. Мы только их оберегали в своих шкафах.

Перестав быть читателями, стали коллекционерами и «любителями». В шуме и гаме современной поэзии одиноко звучит голос Анны Ахматовой. Она переживает светлую пору: расцвет своего дарования. Но в душе зарождаются ужасные сомнения:

Теперь никто не станет слушать песен
Моя последняя, мир больше не чудесен.

Ей чудится:

И висит на стенке плеть,
Чтобы песен мне не петь.

Ее никто не слушает:

Я только голосом лебединым
Говорю с неправедной луной.

Но «неправедная луна» обернулась тысячами читателей. К голосу Ахматовой прислушиваются, как ни какому другому. Наряду с Блоком ее читают больше всего.

Поэт — одиночка, поэт — монашенка, поэт — лирик, она замкнулась в кругу человеческих отношений и чувств. В ее поэзии только двое: я и ты. Ахматовой нет дела до всего окружающего. Она не отзывается на события. Ее стихи не имеют названия. Больше всего опасается Ахматова суровости:

Если надо — меня убей, —
Но не будь со мною суров.

Эта нежная человечность лебединого голоса привлекла всех к Ахматовой. Не верьте тому, кто говорит, что не любит Анны Ахматовой. Он стыдится в этом признаться. Мы утомились от бездушной поэзии. Нам невыносимы больше пустые слова пустых людей. Мы чаем человека — художника, художника, который имел бы, что сказать. И если нас непреодолимо влечет к себе Анна Ахматова, если мы читаем ее стихи, готовые принять их за самую светлую полосу на современном поэтическом горизонте, то лишь потому, что за поэтом мы явственно различаем человека, как неотступную тень его.

Не только в поэзии, во всей художественной жизни намечается сдвиг. В истории искусств, эпохой, нас наиболее интересующей, — является уже не Ренессанс, — барокко. Еще недавно переживали мы в России увлечение XVIII столетием. Только оно немислимо. Мы исследуем живопись барокко, как искусство «наше», в чьей светотени нам открываются, неуловимые при полном свете, движения человеческой души. И может быть, прежде всего, искусство нидерландское, живопись Голландии созвучит нашему времени и должна вызвать исключительный интерес. Точки зрения на это наиболее человеческое искусство должны быть коренным образом пересмотрены и видоизменены, но где, в каком искусстве других времен и других

стран художники проникали до столь глубоких пластов душевной жизни, как в старине Вермэра и Рембрандта? Какое другое искусство столь же пристально приглядывалось к последнему из людей.

Веет весной совсем особого Возрождения. Мало-помалу мы отойдем от исключительной живописи *nature mort'*ов и поэзии, воспевающей пыль библиотек. Нужно только пробудиться этому интересу к человеку, чтобы люди начали общаться и делиться мыслями, теперь нам как будто незачем собираться; мы не знаем, о чем говорить и не умеем просто говорить. Поэтому нынешние собрания людей так тягостны, томительны, скучны. Не то было в лучшие времена расцвета культуры, в Пушкинскую пору, когда люди сходились, беседовали, вместе любили, горячились, спорили и страдали, в те благополучные времена, когда все обладали маленькими талантами писать «стихи в альбом», рисовать вензеля, сочинять экспромты... Тогда книга играла служебную роль. От ее мыслей загоралось живым пламенем воображение собеседников; текли речи. Во времена «вторников» Каролины Павловой не к чему было коллекционировать книги. Не то теперь, когда человек замкнулся; каждый в четырех стенах своей библиотеки. Книга должна заменить человека, — но не может его заменить. Розанов где-то говорит, что с тех пор как изобрели книгопечатанье, настоящая любовь стала невозможной.

Любовь к книге поглотила любовь к человеку. Те явления нашей художественной жизни, о которых мы упоминали выше, свидетельствуют о пробуждающемся внимании к человеку, не только к художнику — человеку, но и человеку просто. Вместе с тем книга потеряет ту магическую власть, которую она приобрела над ними. Из коллекционеров и «любителей» книг мы превратимся в читателей книг. Коллекционируют книги лишь в упадочное время.

Напомним в заключение, что поэт, со смертью которого разбилось самое дорогое для нас сердце, Александр Блок, завещал в своих стихах девушке, чтобы она полюбила «простого человека, который любит землю и небо больше, чем рифмованные и нерифмованные стихи о земле и небе».

